

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА АЛТАЕ В КОНЦЕ XIX в. (КРЕСТЬЯНЕ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И КОЧЕВНИКИ-СКОТОВОДЫ)

Рассматриваются вопросы поземельных отношений русских крестьян-переселенцев с коренными народами. В основе происходивших земельных конфликтов – разность менталитетов земледельцев и кочевников.

Ключевые слова: поземельные отношения; крестьяне; кочевники; Алтай.

Недостаточная и фрагментарная изученность природно-климатических условий Сибири порождала миф о существовании за Уралом огромного фонда свободных земель, пригодного для хлебопашества, а реальное положение вещей заменялось многослойным социальным мифотворчеством. Ученые обратили внимание на устойчивую связь крестьянских представлений о свободе со стремлением к переселению на новые места. Понятие «воля» в народном сознании обладает ярко выраженным пространственным аспектом. Среди наиболее желанных для крестьян последствий переселения «на новые места» было не только обилие удобных для обработки земель, но и льготность нового положения, простор для хозяйственной инициативы, установление более мягкой зависимости от государственной власти [1. С. 77]. Сибирь как один из географических адресов «Беловодья – рая на земле» упоминалась в работах К.В. Чистова [2], А.И. Клибанова [3], Д.С. Лихачева [4], Н.Н. Покровского [5. С. 159–163], посвященных проблемам истории народного сознания.

Для мистически настроенных русских старообрядцев ареной искания фантастического и таинственного «Беловодья» стал Алтай, где в предгорных районах имелись свободные земли, пригодные под хлебопашество [6. С. 133]. С XVII в. сюда переселялись русские крестьяне, которые захватывали пустолежащие земли, расчищали их и владели ими по праву первооткрывателей. Правительство следило за тем, чтобы интересы местного населения, платившего ясак, при этом не ущемлялись. Поземельные споры в XIX в., как правило, были связаны с наплывом русских переселенцев и их размещением. Этому способствовало то обстоятельство, что административное устройство оседлых инородческих управ учитывало прежде всего ревизское население, а не занимаемые им территории, кочевые же инородцы и вовсе не были наделены землей [7. С. 210].

Конфликтные ситуации возникали, когда переселенцы обращались за разрешением о поселении в Главное управление Алтайских горных заводов и получали дозвоительные свидетельства на поселение в так называемых пустолежащих местностях. Горное начальство, выдавая такие свидетельства, руководствовалось «...имеющимися у него планами 1820–1830-х гг. и устаревшими сведениями о свободных землях и народонаселении... и не имело возможности следить за поселением именно на этих местах, чем переселенцы, пользуясь отсутствием надзора, злоупотребляли, в особенности среди калмыцких стойбищ, где на сотни верст нет ни одного представителя власти» [8. Л. 83].

Здесь необходимо отметить, что законодательно (ст. 16 Положения об инородцах) «все вообще оседлые инородцы сравниваются с россиянами в правах и обя-

занностях по сословиям, в которые они вступят» [9. С. 443]. При этом ст. 37 Положения строго запрещала русским самовольно селиться на землях, отведенных во владение инородцев. Русские могли брать у коренных народов места в оброчное содержание, но всегда по условиям с их обществами. По отношению к кочевым народам было установлено (ст. 34), что «кочевые инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли. Подробное разделение участков этих земель зависит от самих кочующих» [9. С. 444]. В примечаниях к ст. 26 оговаривалось, что кочевые инородцы с умножением хлебопашества не могут обращаться против их воли в сословие сельских обывателей, а получив поземельное устройство, при выдаче им отводных записей перечисляются в разряд оседлых [9. С. 443].

В правительственных кругах существовало устойчивое мнение о том, что русские переселенцы, занимающиеся земледелием, находятся на более высокой ступени развития по сравнению с коренными народами, занимающимися в основном скотоводством и ведущими кочевой образ жизни. Поэтому поселение русских крестьян среди коренного населения должно служить примером кочевникам, что земледелие и оседлость – это правильный образ жизни, а быть в разряде «бродячего инородца» неправильно, т.к. в перспективе все кочевое население должно быть приведено к оседлости, естественно, с наделением его землей в 15-десятиной пропорции, как и русских крестьян. По мнению чиновников, если русских крестьян селить среди инородческого населения, то последние будут перенимать не только навыки земледелия, но и научатся русскому языку, а приняв православие, станут полноценными подданными империи. Русский крестьянин-землепашец был призван научить сибирского инородца не только строить дома, пахать, косить, молиться, говорить и даже думать по-русски, чтобы духовно сплотить империю.

В первой половине XIX в. в Горном Алтае начала развиваться миссионерская деятельность [10. С. 117]. Распространение православия правительство рассматривало как важную часть общегосударственной политики по обрусению народов окраин империи, «приравнению» их к основному крестьянскому населению. Для большинства крещенных сибирских «инородцев» следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием [11. С. 186–188]. Привольные места края скоро вызвали сюда такое количество крестьян, что они стали заводить здесь особые от инородцев деревни. Миссионеры отводили новокрещенным инородцам в стойбищах особые места, где они и поселялись. Новокрещенцы стали пускать к себе посторонних лиц, которые селились заимками. С таких «припущенников»

инородцы взымали в свою пользу годовую оплату по соглашению. Заимочники, прожив некоторое время, начинали, не обращая внимания на интересы и претензии кочевых калмыков [12. С. 47], расширять свое землепользование захватным путем.

Заселение русских в пределах калмыцких стойбищ шло и помимо духовной миссии – по «приемным приговорам», выдаваемым самими зайсанами и демичами кочевых инородцев. Получившие такой приговор строили заимку, разводили хозяйство, главным образом скотоводческое, и начинали оттеснять кочевников [12. С. 57–58]. Естественно, это приводило к поземельным конфликтам. Например, село Ангудай было основано в 1856 г. на Алтае миссионерами; образовано сельское общество новокрещенцев из 5 дючинов и 2 чуйских волостей в количестве 80 душ [13. Л. 5]. В прошении говорится, что крестьяне, причем не из Европейской России, а из Томской губернии, «не испрося у общества приемного приговора, водворяются в нашем селении на постоянное жительство, основываясь на распоряжении Алтайского горного правления, а Томская казенная палата, причисляя без приговора к нашему обществу, не принимает во внимание того, что район земли, удобной для хлебопашества и сенокосения, при нашем селении весьма ограничен» [13. Л. 6]. Причем нехватку удобных земель подтвердили Урскульский миссионер Константин Сакилов и Бийский окружной исправник (рапорт томскому губернатору от 8 октября 1891 г.) [13. Л. 3, 12]. Священник просил удовлетворить просьбу о запрещении русским крестьянам селиться на инородческих землях, т.к. население с. Ангудайского увеличивалось за счет приселения к нему новых семей новокрещенцев.

Начальник Алтайского горного округа в своем письме томскому губернатору от 24 сентября 1891 г. № 14384 разъяснил действия горной администрации в данной ситуации, которая выдавала переселенцам свидетельство на право переселения в с. Ангудайское на основании утвержденных генерал-губернатором Западной Сибири 5 октября 1879 г. «Правил о водворении русского населения в Горном Алтае», где в это время проживали 120 человек новокрещенных, но они не были наделены землей в установленном порядке. Причем наделение землей должно было производиться с прибавкой на 50 русских поселенцев. «Мера признана полезной для обрусения новокрещенных калмыков, которые по характеру своего хозяйства не могут называться вполне оседлыми... что же касается до условий пользования землей новокрещенными инородцами в Ангудае, то Кабинет признал возможным допустить водворение инородцев на свободных заводских землях с тем, однако, условием, чтобы ни духовное, ни гражданское начальство не считали земли, отведенные инородцам, неотъемлемой их принадлежностью» [13. Л. 25–26].

Алтайская администрация не спешила с разрешением конфликта. 14 августа 1896 г. письмом за № 16737 начальник Алтайского округа В.К. Болдырев уведомит томского губернатора о том, что вопрос об отводе земель селениям, расположенным в пределах калмыцких кочевий в Горном Алтае, еще не решен Кабинетом, поэтому и отмежевание земли для русских, проживающих в с. Ангудай, в настоящее время не может

быть произведено. Выдача же разрешений переселенцам на водворение в Ангудае прекращена [13. Л. 40].

Чиновники пришли к самому легкому решению проблемы – запретили переселение в данный район, но Алтайская администрация могла запретить только легальное переселение, а самовольцам поставить преграды было намного сложнее. Отвод земель селению Ангудай был осуществлен только в 1900 г. [14. Л. 32].

В начале 1870-х гг. русские крестьяне начинают самовольно селиться в пределах Горного Алтая, где в основном проживало коренное население. Пытаясь упорядочить процесс переселения, томский губернатор Н.М. Супруненко летом 1873 г. объезжает Горный Алтай с целью выяснения колонизационных возможностей края. После осмотра он предложил открыть в этом районе 26 переселенческих пунктов, которые должны были располагаться вдоль Чуйского и Уймонского трактов, а также по Канской дороге, соединявшей Чуйское и Уймонское направления [15. Л. 113]. Такое предложение имело стратегическое значение: «При колонизации всего Горного Алтая русское население, занявшее все горные проходы этой местности, на случай опасности может служить самым лучшим оплотом нашей территории» [15. Л. 55]. Окончательный план поселения был выработан генерал-губернатором Н.Г. Казнковым в 1875 г., который посчитал «полезным наметить 26 пунктов под русские поселения» [14. Л. 1]. После долгих согласований 30 июня 1878 г. план был утвержден Кабинетом и получил название «Правила водворения русского населения в Горный Алтай» [14. Л. 242].

Однако этим селениям земельный надел отведен не был, потому что администрация Алтайского округа не провела предусмотренное «Правилами водворения» обмежевание проектируемых переселенческих участков. В результате возникали земельные споры между алтайскими кочевниками и переселенцами, в ходе которых каждая сторона пыталась доказать свое право на владение тем или иным участком. Водворившиеся в Горном Алтае переселенцы «за немногим исключением не имеют точного отграничения земельных участков, вследствие чего явилась полная неопределенность земельных прав как кочующих инородцев, так и оседлого русского населения, повлекшая за собой постоянные жалобы на взаимные стеснения в землепользовании» [16. Л. 52].

Например, согласно акту осмотра земель по р. Белый Ануй, составленному Бийским окружным исправником, первые поселенцы появились здесь в 1878 г. Они основали д. Белый Ануй на месте «калмыцких стойбищ», причем администрация Алтайского горного округа приказала кочевникам освободить землю, передвинувшись вверх по реке. Крестьяне, естественно, стали распаивать землю, заводя пашню в тех местах, где, по их определению, была хорошая почва для земледелия. **Выбор места под пашню и послужил причиной земельного конфликта**, т.к. стада кочуют не хаотично, а переходят с пастбища на пастбище по маршрутам, проложенным в течение десятилетий, а возможно, и столетий. Далее в акте отмечается: «Калмыки имеют около 3000 голов скота, и скоро ему будет некуда выйти. Скот их привык ходить на солонец, лежащий близ деревни, крестьяне же опалили это место и

скоту некуда пройти... крестьяне ловят его и требуют выкупа. Плана местности и кочевий у них не имеется» [16. Л. 55].

Причинами, приводящими к столкновению между русскими крестьянами и коренными жителями, были как разные формы ведения хозяйства, земледелие – у первых и кочевое скотоводство – у вторых, так и отсутствие реальных границ землепользования. Например, томскому губернатору были отправлены жалобы от зайсана 3-й Алтайской дючины Бийского округа Модена Бобраева: «С 1893 г. ходатайствую... о самоуправном захвате земли у кочующих по р. Белому Ануу калмыков крестьянами д. Бело-Ануйской, самовольно поселившимися в пределах калмыков» [13. Л. 50]. Со стороны крестьян также была отправлена жалоба «на потраву хлебов калмыками, живущими в 2 ½ верстах выше нас по р. Белый Ануй... а также на действия Алтайского отдельного заседателя, который заявляет, что земля эта будто бы принадлежит калмыкам, настаивает на выселении нас и грозит отдать под суд» [13. Л. 43].

Как видно из приведенных документов, спор касается прав на землю, причем особо надо отметить, что русский чиновник стал в этом споре на сторону кочевников. В основе земельного конфликта лежит отсутствие границ землепользования, которые должны быть не только зафиксированы на бумаге, но, самое главное, обозначены на местности межевыми знаками. Крестьяне д. Белый Ануй в прошении томскому губернатору (12 октября 1895 г.), разъясняют, что «с разрешения главного управления Алтайского округа поселились мы на землях, принадлежащих Кабинету и причислены казенной палатой к Ануйской волости с образованием отдельного общества... но земельный надел нам не отведен и по настоящему время грани, обозначающие принадлежность пласта главным управлением, нам не указаны, а так как местность находится в землях калмыцких стойбищ, то мы с 1892 г. обращаемся с ходатайством о командировке межевщика» [13. Л. 48].

Правительство, зная о таких явлениях, предписывало заведующим отрядам и временными партиями по образованию переселенческих и запасных участков (1895 г.) «...вменить в обязанность подведомственных им чинам, на коих возлагается образование переселенческих и запасных участков, ограждать по возможности интересы коренного населения, оставляя ненарушенными установившиеся условия пользования казенной землей» [17. С. 116].

Приведенные примеры земельных конфликтов между старожилами и новоселами, между русскими крестьянами и коренными народами не означают, что внутри групп не было столкновений за право обладания лучшими землями. Можно предположить, что разный образ хозяйствования (земледелие и скотоводство), разное вероисповедание (православие и язычество) служили только внешней причиной земельного конфликта, в глубине которого лежало осознание того, что размер и качество земельного владения напрямую связаны с достатком семьи (рода).

При кажущемся сибирском земельном просторе удобных для ведения сельского хозяйства земель было не так уж и много, что и служило глубинной причиной столкновений за право обладания земельными угодьями. Сторонами в конфликтах были в большинстве случаев группы людей, объединенных не только своей хозяйственной деятельностью, но и социальными связями.

Когда дело касалось владения удобными для сельского хозяйства землями, было неважно, между какими группами шел спор, конфликтующие стороны шли на все: начиная от жалоб властям, где заведомо представляли себя потерпевшими, до прямых вооруженных столкновений, когда лились не чернила на бумагу, а кровь на землю. Затронутая тема взаимоотношений русских крестьян и коренных народов в области земельных отношений требует объективного описания и дальнейшего продолжения исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раскин Д.И. Миграции в общественном сознании русского крестьянства эпохи позднего феодализма // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Таллин, 1986. Вып. 1.
2. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.
3. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России XIX в. М., 1978.
4. Лихачев Д.С. Заметки о русском. 2-е изд. М., 1984.
5. Покровский Н.Н. Археографические экспедиции и проблемы народного сознания // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987.
6. Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников. Томск, 2007.
7. Карих Е.В. Поземельные отношения русских крестьян и Томских татар в XIX – начале XX в. // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности. Томск, 2004.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 44. Д. 2.
9. Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). СПб., 1909.
10. Тресвятский Л.А. История русской православной церкви в Сибири в XVII – начале XX вв. Новокузнецк, 2005.
11. Дамешек Л.М. Сделать народы Сибири русскими, или к вопросу о реализации проекта «большой русской нации» в конце XIX – начале XX в. // Современное историческое сибиреведение XVII – начало XX в. Барнаул, 2008. Вып. 2.
12. Отчет начальника Алтайского округа по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 года. Барнаул, 1910.
13. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 19.
14. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 82.
15. РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 569.
16. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 19.
17. Сборник узаконений и распоряжений о водворении переселенцев и образований переселенческих участков. СПб., 1907.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 апреля 2009 г.